

Дом, ГДЕ ЖИВЕТ Чудовище

18+

МАРА ВЕРЕСЕНЬ

Архивы проклятых дел

Мара Вересень

Дом, где живет чудовище

«ЭКСМО»

2026

УДК 84(2Рос=Рус)6-44
ББК 821.161.1-312.9

Вересень М.

Дом, где живет чудовище / М. Вересень — «Эксмо»,
2026 — (Архивы проклятых дел)

ISBN 978-5-04-255711-8

Мистический детектив с эстетикой викторианской эпохи в авторском магическом мире. Зло, которое невозможно изгнать, а единственный способ справиться с ним — принять всю его суть. Поместье над обрывом, скрытое от людских глаз, где цветут розы и гибнут служанки, — идеальное убежище для той, кто бежит от собственного отражения и не смеет произнести свое имя вслух. Элира получает место помощницы экономки в имении затворника, окутанном туманом и пугающими слухами. Говорят, лорд Эдсель, погубивший трех невест, — проклятое чудовище, которое никогда не снимает серебряную маску. Однако за ней он скрывает не только изуродованное лицо, но и израненную душу. Вскоре между двумя изгоями возникает притяжение — опасное, запретное, сильнее страха и здравого смысла. Элира не верит слухам до тех пор, пока в поместье одна за другой не начинают погибать служанки. К тому же жандармы находят улики, связывающие со смертями и хозяина имения, и его новую помощницу. Кто охотится на служанок? Почему вещи Элиры и Эдселя находят в местах преступлений? И, главное — способны ли два человека с темным прошлым доверять друг другу, когда каждый из них может оказаться виновным?

УДК 84(2Рос=Рус)6-44
ББК 821.161.1-312.9

ISBN 978-5-04-255711-8

© Вересень М., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1. Элира	7
Глава 2. Элира	12
Глава 3. Алард	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мара Вересень

Дом, где живет чудовище

© Мара Вересень, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1. Элира

Дикие плетистые розы пахли перед грозой совершенно необыкновенно. Эта часть сада заросла так густо, что остов беседки, статуи и некоторые деревья прятались под ними, как старушки под шальями. Часть древней, покрытой трещинами ограды тоже скрывалась под колючими ветвями. А дальше было море. Берег резко обрывался вниз, а море широко раскидывалось за ним. Кроваво-красное солнце тонуло в темной воде, подсвечивая ее багровым. Тяжелая низкая тень, клубясь, наползала со стороны города.

Стоило спрятаться здесь, в краю, где дождей бывает меньше всего, как в первую же неделю поймать грозу?

Готьёра. Побережье. Курортные городки и рыбацьи деревни, сплетни вместо новостного листка, все друг другу родственники. Во всяком случае, местные жители. Но обилие приезжих отдыхающих, особенно в сезон, оказалось решающим. И минимум дождей.

По местным поверьям, очень-очень давно морская нимфа, обозлившись за что-то, наложила проклятие на Статчен, чтобы тучи обходили его стороной. Тогда ушлый наместник подумал и сделал природное явление местной изюминкой, организовав ко всему прочему весьма прибыльную торговлю прохладительными напитками. Розовый лимонад можно попробовать только здесь, ведь роз в Готьере растет очень много. Они буквально везде. Забавно, что название городка на аронийском значит именно «городок».

Я попробовала улыбнуться. По ощущениям, вышло не очень. В последнее время у меня совсем не было практики. И зеркало мне тут не помощник. Я избегала своих отражений почти так же тщательно, как и дождя. А море любила. За горькую соль.

До разгула стихии еще было время, и я не торопилась обратно в дом. Смотрела на тревожный закат и мечущихся над водой чаек. Ветер уносил их крики куда-то под обрыв. Так и тянуло заглянуть, куда именно.

Я осторожно положила руки на край белеющей в сумерках ограды и посмотрела вниз. Узкая полоска пляжа была так далеко, что пенные гребни беспокойных волн казались тонкими розоватыми нитками.

На тропинке-серпантине, чуть дальше вправо по склону, где обрыв не был таким крутым, лежала сломанная кукла в платье служанки. Ветер трепал темные кукольные волосы, задирали подол кукольного платья, обнажая раскинутые и повернутые под неестественными углами кукольные ноги. Одна рука свешивалась вниз, а голова держалась на тонкой шее. Мечущиеся волосы плотно облепили кукольное лицо, но мне все равно чудился открытый рот. Крики чаек раздавались там же, где лежала сломанная кукла. Казалось, что птицы кричат вместо нее.

Я глотнула густой, сладкий, как розовое варенье, воздух, но он застрял в горле. В глазах сделалось темно, а под руками – пусто. Не выдержав моего веса, древние камни осели, проваливаясь вперед и вниз, к беспокойным волнам и полоскам пляжа.

Глупо... Как глупо...

Шею обжег резко натянувшийся воротник. Пуговицы на груди оторвались и рассыпью сиганули прочь от меня, руки с растопыренными пальцами нелепо дернулись, что-то хрупнуло в поясице, а потом я снова оказалась ногами на земле. И лицом к... черному провалу тени под капюшоном. Лишь подбородок виднелся. И губы. Они двигались. Я улавливала тон, но не могла разобрать слов. Я была занята другим важным делом: вспоминала, как дышать.

Тяжелые руки легли на плечи, сжали, встряхнули и тут же отпустили.

Помогло. Смысл слов стал доходить одновременно с осознанием, что я с почти голой грудью стою перед чужим, совершенно незнакомым мужчиной. Прикрываться было поздно, но руки все равно попытались собрать расстегнутый лиф, чтобы спрятать неприязнательный корсет и то, что он поддерживал.

– Вам понятно? – хриловато произнесла тень в капюшоне.

Я на всякий случай кивнула.

Мужчина дернул плечом, резко развернулся и пошел прочь.

Громыхнуло. Внезапный порыв ветра сдул капюшон с головы незнакомца, но его рука оказалась быстрее и натянула ткань обратно. Блеснул перстень-печатка. А еще я успела разглядеть неприлично короткие волосы и частые белые пряди с правой стороны в густой темной шевелюре.

Вот и познакомились.

Лорд Алард Эдсель, позвольте представиться, я Элира Дашері, ваша... Кто? В объявлении было «помощница экономки», а в контракте только «нанята в услужение» и список обязанностей. Кто же я?

Я все-таки не удержалась и отправилась посмотреть на куклу поближе. Выбралась из сада через повалившийся забор и прошла к спуску. Затем, цепляясь за старую цепь, протянутую сквозь вбитые в камень скобы, одолела несколько метров ведущей к пляжу головоломной тропки, чувствуя при этом, как дрожат коленки. Присела, выглянула за край. Ветер тут же растрепал волосы и залепил выбившимися прядями лицо, но...

Пусто. Кукла исчезла. И голоса чаек пропали.

Конечно же, там была вовсе не кукла, девушка-служанка. Если была. А может, привиделось? Со мной случается. Думать об этом было слишком беспокойно и неудобно, но все равно думалось.

Откуда она могла взяться? Из поместья или из города? Я до сих пор не знала всех слуг в доме в лицо, так как они приходили в разные дни и время. Только нескольких горничных и служанок, которые убрали комнаты и следили за вещами хозяина и мадам. Многим было запрещено появляться в жилых комнатах – только на кухне и в хозяйственных коридорах или в других подсобных помещениях, где они выполняли свою работу.

Осторожно отошла от края и, держась за цепь, поднялась обратно вверх. Ветер на тропе казался сильнее, но я убрала волосы с лица, только оказавшись в безопасности.

Небо стремительно темнело. Мне казалось, что тучи ложатся на плечи, как набрякшая от сырости шерстяная шаль. Или тяжелые руки лорда Эдселя. Он касался моих плеч едва ли пару мгновений, но ощущение от его пальцев осталось. Лучше бы осталась кукла на камнях. Это было бы понятнее: пошла домой в деревню короткой тропой, поскользнулась и упала...

Гром оглушил.

– Зачем?.. Зачем?.. Зачем?.. – бормотала я, мчась обратно и уже не заботясь об испорченном платье и том, что меня кто-то заметит в таком непрезентабельном виде. Молнии плескали по низким клубящимся тучам, рвано подсвечивали неровную дорожку, на которой шею свернуть так же легко, как и на серпантине.

Ограда...

Я бежала, почти задыхаясь и чувствуя, как горло жжет огнем. В саду было уже совсем темно.

Снова ударило. Почти одновременно молния и грохот. Я затылком чувствовала несущуюся с небес воду.

Крыльцо, ступеньки с истершимся краем...

Тяжелая дверь открывалась медленно, будто была заодно с грозой. Но я успела. Юркнула в щель. Захлопнула. И тут же ударил ливень.

Я дышала сипло, и этот звук эхом разносился по углам полупустого темного холла.

Наверху, на лестнице, шевельнулась тень – более черная, чем окружающий сумрак, – потом раздались шаги, и все стихло. Только ливень злобно колотил по вздрагивающим от раскатов грома стеклам да плескало молниями.

Я отлепила лопатки от двери и, едва переставляя ноги, побрела к себе. Мышцы ныли.

Очень хотелось присесть или даже сразу лечь, но раскисать времени не было. Я и так сегодня опоздала.

Войдя в комнату, я зажгла свечи. Первым делом тщательно проверила задвижки, плотно ли прилегают оконные створки к раме и не сочится ли вода из пазов, куда вставлены стекла. Но окна оказались в прекрасном состоянии. За домом ухаживали хорошо. Это сад здесь походил на дикий лес.

Затем я достала из-под кровати зачарованный от сырости старый чемодан, в котором хранились мои травяные обереги.

Пучки, связанные определенным образом, состояли в основном из полыни. Но имелись еще лаванда, зверобой, колючие ветки чертополоха и можжевельника. Вся эта ароматная красота спустя несколько минут была развешана по комнате, у изголовья кровати и разложена на двух широких подоконниках. Как по мне, такие большие окна для маленького помещения – излишество, но это была единственная приличная комната на первом этаже.

Помню, как мадам Дастин, моя нанимательница, сокрушалась и упрекала в недостойном. Мол, мало того что выбрала комнату для прислуги, так еще и зеркало попросила убрать. Не пойму, что может быть недостойного в отсутствии самолюбования. Но настырная в своем желании опекать экономка умело отвлекла меня чаем, сдобренным травяным бальзамом «за знакомство», пока наемные слуги перетаскивали мебель из подготовленной наверху комнаты в ту, что я выбрала сама.

– Это называется компромисс, милочка, – довольно улыбалась она, когда я разглядывала новую обстановку.

И тогда я поняла, что мы точно подружимся. Я бывала такой же упрямой в стремлении сделать все по-своему.

Мое знакомство с Лёксией Дастин началось с объявления в новостном листке о том, что в поместье Эдсель требуется помощница экономки.

Мне нужно было срочно уехать из Равена – приграничного городка, где я спокойно прожила почти полгода. Я спешно искала новое место подальше и уже почти отчаялась. Девушке, если она не вдова, очень сложно найти приличную работу. Потому я посчитала попавшиеся на глаза строчки знаком судьбы. Плюс ко всему в Статчене почти не шли дожди и дом находился не в городе.

Вообще-то я надеялась на место сиделки или наперсницы, в крайнем случае гувернантки, но тогда решила, что справлюсь и с ролью помощницы экономки. Поэтому написала им, приложив копию одной из рекомендаций. А на следующий день прибыл магический вестник с приглашением и оплаченным проездом почтовой каретой до Статчена.

Путешествие вышло скорее утомительным, чем увлекательным, хотя в карете было свободно и в окошко посмотреть было на что. Вот только лавка оказалась настолько неудобной, что я на каждой остановке выходила размяться. Заодно и багаж проверяла. Там были не сокровища, но я привыкла к своим немногочисленным вещам: книгам, туалетному набору, платьям, которые не мешало бы обновить.

После прибытия на место и разгрузки багажа мне быстро удалось нанять извозчика до поместья Эдсель. Нужно было только немного подождать, пока коренастый усач разберется со своими делами.

Я прихватила свой чуть потертый, но еще вполне приличный саквояж, оставив прочее под присмотром станционного сторожа, и с удовольствием устроилась во дворе на скамейке. Она была на порядок удобнее той, на которой я проехала ночь и большую часть дня.

Чтобы не скучать, я достала книгу, но к чтению приступить не смогла. На меня смотрели. Очень пристально и изучающе. Взгляд принадлежал молодому мужчине в одежде, напомина-

ющей мундир. Он стоял по другую сторону от входа на станцию и делал вид, что рассматривает прибывающие кареты.

Красивый. Даже очень. Темноглазый, с высоким лбом и копной вьющихся рыжевато-каштановых волос, собранных на затылке в нарочито небрежный пучок. У меня даже возникло желание проверить, не выбились ли пряди у меня из прически и аккуратно ли лежат кружева воротника. Но я сдержалась. Не понимаю, что такого, как он, могло во мне заинтересовать? Здесь полно более ярких и привлекательных барышень с чемоданами. У станции останавливались не только почтовые кареты, но и частные. Это было удобнее, чем мыкаться по городку и самостоятельно искать, где обиходить уставших от дороги лошадей.

– Мазель, – меня тронули за плечо, – я там вещи ваши погрузил уже. Пожалуйте и вы.

Я с удовольствием сбежала от взгляда красавца. Слишком дорого мне когда-то обошелся урок о том, что внешняя привлекательность вовсе не гарант порядочности и благородства.

Мы покинули город. Я толком и рассмотреть ничего не успела, только тонущие в цветах улочки окраины.

С час ехали молча. Сбитая до каменной твердости песчаная дорога постепенно тонула в тени старых кряжистых деревьев с гибкими ветвями и узкими листьями, опускающимися почти до земли. Деревья подступали все ближе к краю дороги, почти смыкаясь кронами. Я не знала, как они называются, так как в империи таких не росло, да и жила я в основном в городах и деревьями особо не интересовалась. А потом возница пожелал поболтать. Я ему не мешала, изредка вставляя пару слов, и он продолжал разливаться соловьем.

– Выговор у вас нездешний, дамочка. Из империи к нам? Неужели своих морей нет? – заговорил усач. – У нас тоже хорошо. Спокойнее. И сказок с легендами на потеху отдыхающим полно.

Усач обернулся и посмотрел на меня через плечо. Я изобразила интерес.

– К примеру дом нехороший имеется, – хохотнул мужчина в ответ на мою снисходительную мину. – Как раз тот, в который вы едете. Но если вы в услужение, а не в невесты, так и бояться нечего.

– А я похожа на невесту?

– Вы и на служанку не похожи, мазель.

– Что за история с домом?

– Так хозяин проклятый. Лица не показывает. На людях если и появляется, то только в маске. Одни говорят, мол, он стихийный маг, что силу потерял, вторые твердят – эльф, а третьи вообще придумали, будто дракон. Откуда в Готьере драконы? Они все там, в империи. А у нас тихо. Розы вон, море, солнышко. Так что вы в голову не берите. А что невесты мрут, так надо крепкую девку присматривать, а не барышень, что от любого сквозняка с лихорадкой падают или с обрыва. Смотрите-ка, вас уже и встречают, – резко сменил тему извозчик.

Я не успела спросить про обрыв, но удивиться, что встречают, успела. А заодно сообразила, что поросшая дикими розами скала справа, мимо которой мы ехали последние минут десять, вовсе не скала, а ограда поместья.

Усач спрыгнул с козел и раскланялся со стоящей у ворот полнотелой, но не оплывшей дамой.

– Как заказывали, мадам Дастин, доставил в целости и сохранности.

Вот пройдоха. Оплату и с меня, и с нанимателя стряс. Кажется, дама верно расценила мое молчаливое возмущение и заставила предприимчивого возницу тащить мой сундук и чемоданы к крыльцу дома самостоятельно. Мужчина посопел, но пререкаться не стал и полез отвязывать багаж. Одна из кованых ажурных створок на воротах намертво выросла в землю, а открытая вторая оказалась слишком узка для экипажа, на котором я прибыла, потому подъехать ближе было никак.

– Мисс Дашери, я полагаю? – добродушно осведомилась дама.

– Элира, если угодно, – отозвалась я.

– Угодно, – улыбнулась та.

Мы прошли по кое-как расчищенной дорожке, обогнули фонтан с темной водой и позелевшей статуей в центре и остановились на широком крыльце с колоннами. Наблюдать оттуда за работой возницы было сплошным удовольствием.

– У нас здесь почти никого не бывает, – делилась мадам, – но, если во время прогулки по саду вы вдруг встретите страшного старца с садовыми ножницами, не пугайтесь. Это Ганц. Он служил здесь еще прежним хозяевам, и лорд Эдсель оставил его из сострадания, хоть Ганц совсем не справляется с садом. Сами видите, какие дебри. Зато Аларду нравится.

– Кто такой Алард?

– Алард? – рассмеялась Лексия. – Это лорд Эдсель. Так его зовут. Алард Эдсель. Идемте же внутрь. Не бойтесь, дом совсем не похож на сад.

Глава 2. Элира

Было неожиданно тепло вспомнить свой приезд в этот дом. Но лучше бы я спала. Вот только дождь все еще шел, пусть и не такой сильный, и, пока он идет, я все равно не смогу уснуть.

Я жила в поместье уже неделю. Всего неделю, а казалось, что я пустила здесь корни так же давно, как вездесущие розы. И с момента моего приезда сегодня я впервые повстречалась с тем, кто платит мне жалованье. Очень даже недурное, если учесть, что я здесь на всем готовом. Мне даже два форменных платья выдали без вычета из будущего заработка. Весьма приличных и из хорошей ткани синего и персикового цветов. Довольно легкие, ведь здесь, в Статчене, бывает жарковато, – но с закрытыми плечами. Мода в Готьере намного консервативнее имперской. И несмотря на курортную легкомысленность, обнаженные плечи здесь даже на приемах полагалось прикрывать кружевной или газовой шалью, пелериной¹ или платком. Бегать с голыми плечами и руками днем тоже было неприлично. Но меня такие правила вполне устраивали.

Думаю, выдать мне платья было инициативой Лексии. Она не преминула сунуть нос в мой гардероб и скорбно поджать губы, прямо как когда я попросила унести из спальни большое зеркало, что висело над туалетным столиком.

В первые дни я пыталась разузнать о владельце поместья побольше. Меня удивило, что он не явился посмотреть на девушку, которая будет работать в его доме. Обычно хозяевам представляли даже судомоек, дабы те хотя бы в лицо знали своих господ.

Да и женщина, сводящая доходы с расходами, тоже удивительное явление.

– А чем он занимается? Откуда деньги? – допытывалась как-то я.

– Не все ли равно? – Мадам Дастин подняла голову от учетной книги. Серьезное лицо и чуть длинноватый острый нос придавали ей сходство с аистом.

Пришлось пожать плечами, сделав вид, что это не более чем праздное любопытство.

Собственно, странностей в доме, помимо озвученных, было с избытком. Взять хотя бы мои обязанности. В определенное время я накрывала стол в большой столовой на одного человека и уходила. Потом возвращалась и уносила тарелки, независимо от того, ели из них или нет. Я разбирала и сортировала почту, раскладывая письма на разные подносы: приглашения на один, деловые предложения на другой и послания личного характера на третий. Затем оставляла все три подноса внизу в специальной нише на столике у входной двери. Нет, письма я не вскрывала. Для сортировки имелся занятный камень в подставке, к которому следовало поднести конверт. Приглашения окрашивали мутноватый невзрачный кристалл в бледно-голубой, деловые письма – в скучный зеленый, личные заставляли сиять от розового до нежно-лилового. Не знаю, как это работало. Магия была мне по большей части неинтересна, в остальном пугала, но порой сложно было не принять ее пользу.

Иногда я помогала мадам с подсчетами. Это она так называла наши посиделки за чаем и пирожными. Учетная книга тоже присутствовала и даже однажды попробовала чай. После этого меня на весь вечер усадили за переписывание испорченных страниц с поплывшими чернилами. Мадам вслух разбирала записи, а я копировала.

Чуть позже я узнала, что земля, на которой располагается Статчен, принадлежит лорду Эдсель и что он когда-то жил в городе, а потом выкупил поместье и перебрался сюда. Выходит, все собственники в Статчене платят аренду нелюдиму лорду. Отсюда и доход. Сейчас мне сложно было представить такую прорву денег, да и ни к чему.

Дождь продолжал шелестеть.

¹ Часть одежды в форме круглой накидки на плечи, не доходящей до пояса, которая крепится к вороту пальто, платья.

От воспоминаний о чае и захотелось есть. А я сегодня не ужинала. И тарелки из столовой не убрала. От мысли, что нужно покинуть убежище, спине сделалось зябко, но, если оставить как есть, утром мадам первым делом спросит с меня.

Хорошо, что вечером в доме пусто. Слуги живут в деревне, а мадам принимает на ночь сонные капли, поэтому ее и тараном не разбудишь. Значит, некому будет крутить пальцем у виска, если я выйду в коридор с пучком сушеной полыни на поясе. А еще хорошо, что дождь почти прошел и зеркал по пути в столовую нет. Вечерние отражения я особенно не жаловала. Да, в нише в передней гостиной имелось зеркало, но поддерживающая лестницу колонна надежно прятала его.

Кажется, я осмелилась вдохнуть как следует, только когда оказалась в столовой. Там было светло. С почти очистившегося неба ярко светила луна и без стеснения заглядывала в высокие стрельчатые окна.

Еда под крышкой оказалась нетронутой. Остыла, конечно же, но птичьи бедрышки в россыпи овощных ломтиков все равно выглядели аппетитно. Я сглотнула голодную слюну и воровато оглянулась. Все равно уносить...

– Отчего не присядете? – хриловато раздалось позади.

Кусок встал поперек горла, надкушенное бедрышко плюхнулось на скатерть, отскочило от края стола и куда-то укатилось. Из глаз брызнули слезы. Едва сдерживая рвущийся наружу кашель, я схватила бокал с водой, торопливо глотнула, и снова – неудачно.

Ко мне шагнули и резко хлопнули по спине между лопаток. На мгновение в груди сделалось тяжело, а потом я снова задышала.

Видимо, сегодня судьбе угодно избавиться от меня, и она пытается сделать это любыми способами.

Упасть с обрыва, угодить под грозу, подавиться...

Сгореть со стыда? Весьма вероятно, поскольку шаль, которой я все же прикрыла испорченный лиф платья, не став тратить время на переодевание, лежала на полу.

– Полагаю, это был мой ужин, – сказали за спиной.

– Лорд Эдсель... – А кто это еще мог быть? – Простите...

– Нет. Стойте. Не поворачивайтесь.

Я не успела осознать его приказ и подчиниться, но Эдсель зря беспокоился. Перемычка между окнами, напротив которой он стоял, давала густую тень, и разглядеть в ней что-либо было невозможно.

А вот меня наверняка видно прекрасно. И пылающее от стыда лицо, и все прочее, что я планировала спрятать шалью.

– У вас нет других платьев?

Кажется, я сейчас не просто сгорю, но и развеюсь пеплом.

Я тут же рванулась подобрать шаль, но случайно толкнула бедром стол, да так, что приборы звякнули, а бокал, из которого я пила, опрокинулся.

Я прижала шаль к груди и зажмурилась. От стыда это не избавило, зато вспомнилась детская игра: «Не вижу я – не видят меня», потому что вперед, к выходу из столовой, я шагнула не открывая глаз.

Попавшееся под ногу надкушенное птичье бедрышко сработало не хуже подложенной исподтишка свиньи. А то, на что я налетела, хоть и могло сравниться по твердости со стеной, ею точно не являлось, потому что было теплым, кое-где гладким – по крайней мере у меня под щекой – и пахло грозой. Вернее, как после грозы. Неужели хозяин дома сейчас прогуливался снаружи вот так в одной расстегнутой до середины груди рубашке?

Стоит ли говорить, что в создавшейся ситуации я тем более не решилась открыть глаза?

– Спасибо, – брякнула не к месту я и попыталась отстраниться, но проще было вывернуться из объятий каменного удава, чем из рук, удержавших меня от окончательного падения.

– За что? – уточнил мужчина.

Я чувствовала макушкой его взгляд и дыхание.

– За то, что поймали. Там.

Уточнять, где именно, было явно лишним. Вместо этого я постаралась свести к минимуму наш неловкий телесный контакт: упершись руками в его грудь, я продолжала изо всех сил сжимать веки.

– Вы хоть слово запомнили из того, что я вам там сказал? – В его голосе слышалась усмешка. – Похоже, что нет. Просто не ходите больше в ту часть сада.

Его рука сместилась с моей талии на плечи, затем меня аккуратно отставили в сторону. Я пошатнулась. Он снова меня удержал – на сей раз за локоть – и тут же выпустил. Шаль опять валялась где-то на полу, но я больше не рискнула ее поднимать. Ладони, которыми я упиралась в грудь лорда Эдселя, и локоть, которого минуту назад касались его пальцы, горели. Лицо, впрочем, тоже продолжало полыхать, а я от волнения снова с трудом улавливала слова.

– При моем появлении леди редко теряют способность дышать и уж точно не бросаются к моим ногам, – продолжил голос по ту сторону закрытых век. – Они обычно разбегаются.

– Тогда позвольте и мне разве... уйти, – попросила я.

– А ужин? – провокационно поинтересовался мужчина.

– Он же ваш.

– Здесь хватит двоим.

– Но вы не хотели, чтобы я на вас смотрела.

– И сейчас не хочу, но раз уж вы способны ходить с закрытыми глазами, почему бы не есть так же? – предположил Эдсель.

Пауза. Густая, как темнота у меня под веками.

– Все... остыло, – неуверенно сказала я.

– Вы же попробовали. Как вам? – любопытничал хозяин дома.

– Вкусно, но я... Можно я пойду? Лорд Эдсель, пожа...

– Идите.

Он так внезапно согласился, что я опешила.

– Что?

– Я сказал – идите, – с нажимом проговорил он, будто у него внезапно зубы свело.

– А как же... Я ведь должна... – мямлила я, противореча сама себе, ведь только что рвалась прочь. Просто запоздало вспомнила, зачем вообще сюда пришла.

– Сейчас, немедленно. Прочь. – Не голос, рык. Хриплый, низкий, угрожающий, как далекий, нарастающий раскат грома.

Волоски на коже мгновенно встали дыбом, как перед ударом молнии, и меня будто в спину толкнуло. Пришлось открыть глаза, чтобы вновь не оступиться. Я стремительно проскользнула мимо тени, в которой стоял лорд Эдсель. Он отшатнулся, будто именно от меня стоило держаться подальше. Впрочем, это почти что правда.

В окна холла, куда я выскочила, плеснула молнией решившая вернуться гроза. На мгновение стало светло. Позади, в столовой, почему-то вышло ярче. От моих ног протянулись две тени – изломанные, острые. Но тут же растаяли во вновь опустившейся темноте. Я с трудом сдержалась, чтобы не зажмуриться. Тени в каком-то смысле тоже отражения.

Дождь с новой силой ударил по стеклу, и я вспомнила, что мой охранительный пучок из полыни остался там же, где и шаль.

Снова бросилась бегом...

Оказавшись у себя, быстро захлопнула дверь. Щелкнул язычок замка. Какое-то время я стояла, держась за холодную ручку. Руки дрожали, а ручка двери – нет. Это и мне помогло перестать трястись.

Произошедшее в столовой, как буря в стакане воды, – вроде не страшно, но брызги во все стороны так и летят. Глупость какая-то... Мне редко случалось попадать в подобные нелепые ситуации, потому страх остаться без защиты быстро отступил.

Странный день. Одна нелепица за другой. Помню, как пошла прогуляться, но совершенно не помню, как оказалась там, у старой ограды перед обрывом. Будто кусок мозаики выпал из картины. Я вот тоже едва не выпала...

Странный хозяин у поместья Эдсель. Сначала ужин предлагал, потом едва не пинком выставил. И верно, нечего с прислугой фамильярничать. Тогда зачем предлагал?.. Непонятно.

Маг, эльф или дракон?..

Маги – редкость, если говорить о людях. Никогда не встречала, но, видимо, существа они опасные, раз Эдселя, которого, как болтал возница, считают бывшим магом, многие боятся. Но разве маг, потерявший дар, не станет вновь обычным человеком? Или временное обладание магией все равно оставляет следы, даже если магии больше нет? Знаю точно, что бывает как раз наоборот. Когда сначала никаких сил не было, а потом вдруг появились.

Зябко. Досадно, что шаль осталась в столовой. Я обняла себя за плечи – именно там, где еще недавно лежали руки хозяина дома. У нас небольшая разница в росте, но руки Эдселя куда крупнее, и оттого следы от его прикосновений никак не желали скрываться под моими ладонями. У меня маленькие руки – нянюшка всегда говорила, что как у эльфочки. Но кто их видел, этих эльфов? По словам той же нянюшки, они – жуткие страшилища, потому прячутся под личинами. Тогда откуда она знает, что у эльфиек маленькие руки?

Вспомнился вдруг бродячий торговец, болтавшийся на рынке в «хлебный» для покупателей час: до закрытия ворот время еще есть, но цены уже начинают сбрасывать, чтобы распродаться поскорее.

Рынок в Равене – там я жила до Статчена – был самым оживленным местом после площади перед ратушей. Окна моей комнаты выходили как раз на нее. Но на рынке мне нравилось бывать больше, особенно в лавке, где торговали солью, специями и травами. Пряный горьковатый аромат немного кружил голову, но это было даже приятно.

– Они среди нас! Эльфы среди нас, почтенные граждане! – Коробейник хватал прохожих за руки и, забавно вращая выпученными глазами, продолжал страшить: – Притворится вашей женой или, не приведи хранители, тещей! Как узнаете?

Народ, кто с хохотом, кто с руганью, отпихивался от назолы, но были и те, что заинтересованно изучали пузырьки с «наипервейшим и наилучшим средством по выявлению эльфов».

– Надо побрызгать и потерять посильнее, если посинеет – точно эльф!

Я попробовала улыбнуться воспоминанию. Губы, как всегда, поддавались неохотно, и я прекратила их мучить.

Затем я методично обошла все свои обереги, подергала рамы, стараясь не смотреть на мутный абрис собственного отражения в рябом от дождя стекле, и спешно задернула плотные ночные шторы. Наконец сняла платье, завернулась в халат и забралась в постель. Не для того, чтобы спать. Просто так положено: ночь следует проводить в постели, а не бродить по дому, покушаясь на чужой ужин, даже если голодна как дракон.

О драконах в империи говорили либо хорошо, либо ничего. Но здесь не империя, здесь, как сказал возница, Готьера. Никаких драконов, разве что случайно и проездом. Море, солнышко, вездесущие розы. Хотелось бы мне родиться здесь, среди роз и тишины, и только по досужим рассказам знать о драконах.

Знать... Опора трона, благородная верхушка. Большинство из них – драконы. Живут долго, но умирают как прочие. Я знаю. Я видела. Я...

Тихий звук подбросил меня на постели, будто пушечный выстрел, раздавшийся у самого уха.

Журчала вода... Тонкая струйка.

Р-р-р, кап-кап-кап...

А потом вдох. Шаги. Шорох ладони, скользящей по двери, оглушительный в окутавшей комнату ватной тишине.

Я проверила все. Дважды. Кроме маленького круглого окошка в ванной. Кроме маленького... Кто придумал делать в ваннх окошки?..

Шорох, шелест, шепот...

Плечи зябнут, а немота душит, давит, выдавливает из глаз непрошеную соль.

– Где ты, душа моя? – Так мягко и ласково, как только чудовища могут. – Снова прячешься во тьме? Я же все равно найду тебя. Всегда нахожу. И мы снова будем вместе. Моя маленькая Эли, моя нежная...

Шорох, шелест, скрип... Шаг.

Один, второй...

– Где ты, мой огонек, моя теплая Эли, моя сладкая?..

Вокруг меня полынь, лаванда, зверобой, колючие ветки чертополоха и можжевельника. Много горькой полыни. Он меня не почувет, не найдет. А найдет – не увидит. Не подберется.

Я это знаю, но все равно...

Ближе...

Собраться в комок, обнять руками ноги под коленями, намертво сцепить пальцы. Подтянуть колени к груди и спрятать в них лицо. Это поможет. Ненадолго. Немного отсрочит неизбежное.

...боль. Спине и плечам не так больно, как груди и лицу, а сердце я прячу прижатыми к себе коленями.

...страх. Он пришел давно. И больше не уходил никуда. И теперь он всегда со мной. Разве что боли нет, кроме той, следы которой я вижу в зеркале, когда случайно натыкаюсь на свое отражение.

...память. Она не дает мне уснуть, когда идет дождь. Той ночью тоже шел дождь. Ливень. Стекла дрожали и тряслись. И я, услышав тяжелые шаги, дрожала и тряслась. Мне некуда было бежать.

Он вошел в комнату с каплями дождя на лице и плечах, улыбался и глаза лучились светом. Очень красиво. Все чудовища очень красивы и говорят ласково.

– Где ты, моя ягодка, моя нежная Эли, моя единственная?..

И плечо выламывает от боли, огнем горит... Клеймо. Тавро². Я – для него. Чего бы он ни пожелал.

Мне пришлось. Так я себя оправдываю. Чудовища всегда находят оправдание своим поступкам.

² Знак, выжигаемый на коже или на рогах животного для указания их владельца или производителя.

Глава 3. Алард

Некоторое время назад

Утром, войдя в столовую, лорд Эдсель застал там грозную тучу. Она сидела за столом, накрытым, как водится, на одного, недовольно сложив руки на груди, и гневно сопела. Губы были раздраженно поджаты, глаза – готовы метать молнии. Алард не особенно любил зрелища на голодный желудок, но тут уж с чем подали, с тем и придется вкушать.

– Тетушка Лекс. – Алард улыбнулся. Мадам Дастин давно была привычна к его истинному лицу, и улыбки ее не пугали. – Недоброе утро? Плохо спали? Кухарка не доложила меда в чай или мыши изгрызли в кладовой запас моркови на полгода вперед? – перебирал варианты Эдсель.

– Я категорически заявляю, что мне нужна помощница. Не так это и просто – управлять домом в нечеловеческих условиях.

– Нечеловеческих?

– Я устала следить за всем сама! – восклицала Лексия.

– Наймите еще служанок, – спокойно предложил Эдсель. – В деревне, в городе.

– Мне не нужны *новые* служанки, Алард. Они глупые и нерасторопные, путаются под ногами, не выполняют распоряжений как следует и... – Мадам Дастин набрала воздуха, чтобы продолжить, но не стала. Сдулась, будто шарик. Даже руки опустила на колени, вот только возмущенно сопеть не прекратила.

Лорд Эдсель присел за стол и принялся завтракать. Рассыпчатая каша, яйца, сыр, душистый хлеб с розмарином, прозрачные ломтики розовой ветчины, чай с жасмином и шиповником.

Солнце дробилось радужными бликами в узор хрустального графина с водой, поблескивало на глазури тарелок и отбивалось блеклым золотом на глянцевых боках серебряных крышек. Тетушкино отражение в одной из них выглядело очень занято.

– И? – напомнил Эдсель отражению.

– Мне не нужны служанки, – твердо повторила Лексия. – Мне нужна помощница. Умная, спокойная и рассудительная особа приятной наружности, которая не будет меня раздражать.

– Вы забыли главное, – заметил Алард, отдавая должное чаю и поднимая взгляд на тетущку.

– Что именно? – тут же отозвалась она.

– Ваша кандидатка не должна раздражать *меня*. Вы знаете, что я не терплю в доме посторонних.

– Да, – как-то уж слишком покладисто и быстро согласилась мадам Дастин. – И это тоже.

– Тогда вам не повезло, уважаемая тетущка. Таких особ не существует.

– Вы ошибаетесь, Алард. Очень даже существуют. И она уже едет сюда из Равена.

– Вы внезапно овладели магией и покорили время, тетущка Лекс? Вы едва успели получить мое согласие, а уже не только нашли подходящую девицу, но и пригласили ее.

– Вовсе нет, что за глупости вы городите? Я еще неделю назад дала объявление в несколько газет. Мне прислали письма с рекомендациями. Я навела справки и выбрала.

– К чему тогда был этот пассаж о нечеловеческих условиях и требованиях, едва я сюда вошел?

– Просто чтобы вы были в курсе, – ответила мадам Дастин и посмотрела на Аларда уверенным взглядом честного человека, сделавшего все от него зависящее и даже больше.

Лорд Эдсель хмыкнул. Иногда он жалел, что Лексия не была ему матерью, а иногда радовался. Сейчас – радовался. Будь она его матерью и вздумай его женить, – что рано или поздно

начинают делать все матери на свете, – то подошла бы к делу с такой же деловитой основательностью.

– Равен в Аронийской империи, – упрекнул Эдсель. – Если вам местных было мало, в городе полно приезжих. К чему газеты?

– Приезжие все пройдохи, а местные из города – тем более. Деревенские девицы годны только тарелки мыть, а мне нужна компания, чтоб было с кем новости обсудить или променады устроить.

Можно подумать, объявление в газете избавило бы от пройдох... Но Алард не стал говорить этого вслух, чтобы не огорчать тетушку. Он налил себе еще чаю и спросил о другом:

– И как вам удалось все проверить в столь сжатые сроки?

– Магические вестники, дорогой мой Ларди, – снисходительно улыбаясь, проговорила мадам Дастин, – как же еще? Я воспользовалась магической рассылкой в газеты и оплатила пересылку ответов на объявление. Этот ваш жуткий ящик для писем, оказывается, может их не только получать, а в инструкции к нему и Ганц бы разобрался...

– И во сколько мне это обошлось? Решили перейти от давних угроз к действию и намереваетесь меня разорить?

– Вы не разоритесь, даже если мне вздумается отправить магические письма каждому жителю Готьеры и половине империи в придачу. Так что прекратите изображать скрягу. И смиритесь. Мисс Дашери скоро будет здесь, а я наконец обрету душевный покой.

– Вы смертельно больны? – Лорд Эдсель уронил салфетку на пол и показным жестом схватился за грудь.

– Это жестокая и глупая шутка, – тут же завелась мадам Дастин, – недостойная...

– Недостойная, – с нарочито горестным вздохом согласился Алард. – Пирожное, тетушка Лекс?

Лексия подергала губами, сиюсь сдержать улыбку, но та все равно проступила, вопреки всем тетушкиным ухищрениям. Она протянула руку и благосклонно приняла тарелочку с угощением.

Пирожное являлось для мадам Дастин еще одним подтверждением того, что ей необходима помощница. Кухонная служанка продолжала оставлять десерт к чаю, хотя Лексия раз сто упоминала этого не делать, утверждая, что лорд Эдсель якобы не жалуется сладкое. Лично Аларду было все равно. А вот Лексия часто сетовала на свои округлости и старательно ограничивала себя в подобной еде, но от угощения, предложенного воспитанником, отказаться не могла. Отведав бисквит в пене взбитых сливок с засахаренными ягодами, мадам Дастин мгновенно подобрела и перестала сопеть. Что ж, сегодня десерт оказался весьма кстати.

Алард же спокойно закончил завтрак и отправился на прогулку в сад. По утрам и вечерам там было особенно хорошо. Со стороны моря тянуло свежестью. В зарослях дичающих роз пищали пичуги³.

В конце концов, какая разница, одной служанкой больше, одной меньше? Главное, чтобы не раздражала и не совала нос, куда не следует. Но на этот счет есть неукоснительные правила, и Лексия прекрасно за этим следит. За всем прекрасно следит. Кроме пирожных к завтраку. Но это мелочи.

Все началось с запаха – по крайней мере, так показалось Аларду. Он был настолько неуместным в доме, что, вопреки обыкновению, вызывал не только раздражение, но и любопытство. Пряный, горьковатый и неожиданно прохладный, он напоминал внезапный порыв морского ветра в жаркий летний день – когда застоявшийся, прогретый солнцем воздух, пропитанный запахом роз и камня, кажется густым.

³ Пичуга – маленькая птичка.

Аларду поначалу и в голову не пришло связать этот запах с новым развлечением тетушки – с той уникальной особой выдающихся качеств, которая прибыла в его дом совсем недавно. И хотя она все же вызывала раздражение, во всем остальном была практически идеальна: ее не было слышно, она не совалась, куда не следует, – разве что повадилась гулять в саду в неудобное время.

Неудобным Эдсель считал время, когда гулял там сам. Единственный, кого он соглашался терпеть рядом с собой в саду, был Ганц. Но старый садовник, едва способный удержать на весу ножницы, был с дичающими растениями одним целым и отдельно не воспринимался. Будто фамильное привидение в древнем замке. Ганц даже покряхтывал и постанывал, как призрак, и загадочно громыхал граблями или каким другим садовым инструментом, когда принимался за работу.

Тетушка же веселилась от души. Играла с помощницей, как ребенок с новой куклой: обустроила ее комнату, нарядила, придумала каких-то поручений, таскала за собой на рынок, щебетала с ней за чаем. Правда, во время этих щебетаний слышно было в основном Лексию. Прибывшая девушка со странным именем Элира предпочитала слушать и лишь изредка задавала вопросы. Голос у нее был такой же, как этот поселившийся в доме незнакомый, но очень уж быстро вписавшийся во все прочие запахи аромат, – горьковатый и прохладный, будто травяной чай со льдом.

Сегодня как-то особенно хорошо давались образы и сравнения. Близость грозы сказывалась. Ее еще и в помине не было, но Алард чуял приближение, как верный пес издалека чует скорый приезд хозяина и с самого утра ложится ждать на пороге, дергая ушами и приподнимая голову на малейший звук или... Да, опять запах. А может, дело в нем? В этом любопытно раздражающем и раздражающе любопытном запахе?

Помощница Лексии сидела за столиком в нише у входа и возилась с письмами, снова поставив стул так, чтобы в зеркале не мелькало ее отражение.

В ее второй день в доме Аларда весьма озадачили эти странные игры со стулом. Элира несколько раз садилась, поднималась, сдвигала стул, садилась снова, собиралась в комок и смотрела в сторону. Действия повторялись и повторялись, и только после пары десятков попыток девушка наконец успокоилась и занялась поручением. А когда уходила, достала из кармашка обмылок и обвела ножки стула на полу.

Заинтригованный, Алард спустился вниз, сел, не двигая стул с места, и лишь спустя минут десять бесцельного сидения сообразил, что его не видно в зеркале, которое висит за поддерживающей лестницу колонной.

Сейчас, как и прежде, мисс Дашери была полностью поглощена процессом разбора писем. Казалось, ей доставляет удовольствие монотонная возня с простенкиным распределяющим кристаллом. Алард стоял на балконе и следил за ее пальцами и ладонями.

Движения рук девушки завораживали. Как две порхающие над цветами белые бабочки. Да, у нее была очень светлая кожа с легким персиковым оттенком. Такая встречается у коренных жительниц Аронийской империи, особенно часто – у жительниц столицы и окрестностей, еще у девиц из благородных имперских семейств. Как будто над Ароной солнце совсем другое светит. Но это временно. Здешние лучи мигом отметят эти щечки, шею и руки. Если она станет по-прежнему пренебрегать шляпкой и перчатками.

А платье и так закрытое. Целомудренное даже по готьерским меркам. Пуговицы воротника под горло, рукав в три четверти, ажурный кружевной манжет. Спина прямая... Учительница? Гувернантка? Наперсница? С чего ей было в помощницы к экономке идти? Ответов ни на спине, ни на затылке с собранными в аккуратную прическу каштановыми волосами, ни на шее, куда свесился явно случайно выбившийся кокетливый завиток, не было.

Руки-бабочки над письмами продолжали порхать, запах ввинчивался в ноздри и дразнил, как подбирающаяся к Статчену гроза. Элира сменила положение, и Алард поймал себя за

тем, что выбрался из затененного угла, откуда повадился наблюдать, и почти перегнулся через перила балкона, чтобы и дальше следить за движениями рук.

Глупость какая...

Эдсель отступил, а потом и вовсе ушел. Следовало изучить вчерашние важные письма, краем глаза заглянуть в не очень важные, а неважные скормить камину, огонь в котором вспыхивал сам собой, стоило чему-нибудь попасть в топку. Может, перенастроить распределяющий кристалл так, чтобы всякого рода приглашения на праздники, рекомендации и послания невнятного назначения сразу туда отправлялись? Но чем тогда будет заниматься по утрам мисс Дашери после того, как ответственно накроет завтрак без пирожных? Время на сортировку писем сократится, а значит, и время для наблюдения за руками-бабочками тоже. И вот незадача: стоило пирожным и прочим сладостям совсем исчезнуть со стола, как тут же захотелось чего-нибудь эдакого. Например, брусники в меду.

Алард не спеша дошел до кабинета, а потом развернулся и направился обратно, стараясь не смотреть вниз, когда проходил мимо лестницы в холл. А затем, воспользовавшись другой лестницей – старой, неудобной и узкой, которой даже слуги не пользовались, – вышел из дома.

Дверь здесь заросла шиповником, и приходилось придавливать ее плечом, чтобы приоткрыть. С потревоженных веток посыпались лепестки и привявшие от солнца листья, но Алард заранее накинул капюшон, а маска и так всегда была при нем.

Городского наместника даже полезнее будет навестить лично. Утро, не жарко, и если пойти через рощу, то за час с небольшим легко можно добраться до Стагчена. Лошадью было бы и того быстрее, но обратно Аларду хотелось вернуться берегом, а лошадь по головоломной тропе на склоне, в край которого упирается сад, не поднимется. Там опасно и можно пройти только пешком, поэтому не все местные ею пользуются. Разве что он сам да живущая в деревне и работающая в поместье прислуга. И то только потому, что так значительно быстрее, чем в обход по дороге.

Наместник Тэннер Кос – лысеющий мужчина неопределенного возраста – был явно озадачен визитом, но с готовностью показал интересующие Эдселя учетные книги и снова заикнулся о его личном присутствии на ежегодном благотворительном балу.

– А то вы всегда самое крупное пожертвование вносите и с организацией помогаете, а благодарственный адрес и вручить некому, – в очередной раз решил напомнить Кос.

– Я подумаю, – дежурно отозвался Эдсель и спешно покинул ратушу, пока его еще куда-нибудь не пригласили.

Впрочем, плащ с глухим капюшоном сам по себе хорошо отпугивал желающих пообщаться. Встреченные прохожие торопливо раскланивались и торопились убраться подальше. Недавно приехавшие и еще не успевшие наслушаться местных сказок отдыхающие смотрели с любопытством.

К щеголеватому типу за столик под навесом летнего кафе Алард подсел сам. Две девушки в светлых платьях, щебечущие рядом с красавчиком, тут же поспешили прочь. Разносчице, подошедшей к столу с подносом одновременно с Эдселем, пришлось задержаться, чтобы оставить перед клиентом заказ. Она так старательно не смотрела на нового посетителя, что Аларда это позабавило. А прежде бы раздражало неимоверно.

Станный день. Во всем определенно виновата приближающаяся гроза, которой и быть бы не должно, но точно будет. У Эдселя даже подушечки пальцев зудели от предвкушения.

Красавчик, чуть отодвинув стоящую на столе вазу с пионами в сторону, взирал на нежданного соседа, приподняв бровь, и внаглую не спешил здороваться первым. Это такой своеобразный ритуал. Но Аларду давно было не привыкать молчать, потому...

– Как всегда, Эдсель. Явился мрачной тенью и всех моих радужных птичек распугал, – не выдержал щеголь, едва разносчица ушла.

– И тебе доброго дня, Лансерт. Обязательно окружать себя толпой поклонниц, чтобы почувствовать собственную значимость? Мне подобное времяпрепровождение претит.

– Так уж и претит? А как же недавние шашни с приехавшей на отдых столичной штучкой и небольшой скандалчик, когда она не получила от тебя желанной руки и поместья в придачу? Из ее пламенных речей, произнесенных в расстроенных чувствах и подслушанных гостиничной служанкой, ты, вот грубиян, даже во время... хм, близости не соизволил снять с себя все. – Ланс оставил чашку с чудесно пахнущим кофе и обвел пальцем свое холеное породистое лицо, намекая Аларду на маску.

Другая рука приятеля была занята румяным тостом, густо намазанным творожным кремом. Помимо крема на тосте была брусника в меду. Точно такая, как ему представлялась. Что за...

Странности продолжали множиться.

– Давно ты вернулся? – спросил Эдсель.

– Недавно, – ответил Ланс и с хрустом вонзил зубы в лакомство.

Звали Лансрта вообще-то Рáман, но на это имя младший сын одного из советников короля Готьеры откликался редко.

– Как обстоят дела в столице великой и могучей империи? – вежливо поинтересовался Эдсель. Раз уж сам подсел, следовало соблюсти приличия. Он даже подозвал разносчицу и сделал заказ: только кофе и никаких тостов с брусникой. Потакание странным желаниям ни к чему хорошему не приводит. Взять хоть упомянутую приятелем столичную штучку.

– Власть династии незыблема, цены заоблачны, развлечения утомляют, слухи новые, но все о том же: кто с кем, когда и за сколько или за что. В дороге и то веселее было. В Равене, например, интересный случай произошел. Весьма загадочная смерть при неординарных обстоятельствах.

– Что тебя привлекло? – вновь полюбопытствовал Алард.

– Я подобное уже видел. Довольно давно, несколько лет назад. Так что не поручусь, что все было в точности так же, – охотно отвечал Лансерт, расправившись с тостом. – А еще по приезде в Статчен мне встретилась занятная особа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.